

Но требованіе это заключаетъ уже въ себѣ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ почему же можетъ знать человѣкъ, что извѣстный предметъ для него важенъ, прежде чѣмъ познаетъ его?

„Я знаю, говоритъ графъ Толстой, что, по своему опредѣленію, наука должна быть бесполезна, то-есть наука для науки, но вѣдь это очевидная отговорка. Дѣло науки — служить людямъ“.

Едва ли кому-нибудь въ голову серьезно приходила отговорка, приводимая графомъ Толстымъ; никто не утверждаетъ, что наука *должна* быть бесполезною, но почти всѣ согласны въ томъ, что цѣль науки не польза, а истина; что же касается пользы, извлекаемой или неизвлекаемой изъ научныхъ истинъ, то это уже дѣло техники, прикладныхъ знаній, а не науки, и потому упреки въ бесполезности или во вредѣ нисколько науки не касаются.

Чѣмъ же объясняется отрицательное отношеніе графа Толстого къ положительнымъ наукамъ? Едва ли мы ошибемся сказавъ, что въ основаніи его лежитъ отвращеніе къ тому мнимо научному направленію, которое господствовало у насъ въ теченіе послѣднихъ трехъ или четырехъ десятилѣтій.

„Я не только не отрицаю науку и искусство, но я только во имя того, что есть истинная наука и истинное искусство и говорю то, что я говорю; замѣчаетъ онъ, только для того, чтобы была возможность человѣчеству выйти изъ того дикаго со-